

—

Под покровом ночи Дуань Янь не мог разглядеть лица внезапно выскочивших людей, но по голосу сразу определил, что говоривший был Чуань-цзы — один из подручных Цянь Сань-эра.

Устраивать тайные засады на обходных тропах ради поимки нарушителей — до такого могли додуматься только эти новоявленные помощники стражи. Поймав кого-нибудь для примера, они могли бы выслужиться и показать начальнику надзора, как рьяно исполняют свои обязанности.

Факелы внезапно вспыхнули ярким пламенем, и несколько человек быстро окружили их. Дуань Янь слегка опустил взгляд и немедленно заслонил Сун Фэнсуя собой, пряча его за спину.

Он окинул взором четырех мужчин, которые с обезьяньей прытью наступали на них. Свалить их с ног для кузнеца не составило бы труда, но, наблюдая за дозорами на подступах к деревне еще издали, он заметил, что охранников было много и стояли они плотно. Если здесь поднимется шум и суматоха, в мгновение ока примчатся остальные патрульные.

И хотя они пробирались в деревню из лучших побуждений, стопроцентной уверенности в том, что лихорадку удастся исцелить, пока не было. Если их поймают или разоблачат, чиновники управы клеймят их как нарушителей закона.

Сам Дуань Янь в прошлом был местным смутьяном, так что для него еще оставалась лазейка как-то выкрутиться, но нынешнее положение Сун Фэнсуя не позволяло допустить подобного позора.

Дуань Янь прекрасно понимал, что ввязываться в затяжную драку нельзя, а потому обменялся с Сун Фэнсуем быстрым взглядом, знаками веля ему ни в коем случае не подавать голоса, чтобы те по речи не догадались, кто перед ними. Нужно было улучшить момент и немедленно бежать.

Сердце Сун Фэнсуя в этот миг колотилось как безумный барабан, словно его поймали с поличным на каком-то постыдном деле. Заметив знак Дуань Яня, призывающий к молчанию, он понимающе прикусил язык под марлевой повязкой и машинально поправил на лице платок, проверяя, не развязался ли узел.

— А ну-ка, дайте я погляжу, что за мелкие бесы посмели чинить козни на участке, который стережет сам хозяин Цянь! — тот, кого звали Тянь-цзы, вырвался вперед и с ходу потянул руку, намереваясь сорвать марлеву повязку с лица Дуань Яня. Однако стоило ему приблизиться, как кузнец неожиданно нанес ему точный удар ногой, отчего тот согнулся пополам и повалился на землю, корчась от боли.

Дуань Янь тут же развернулся и бросился на Чуань-цзы, который держал факел. Движения были стремительными, жесткими и быстрыми. Наметив цель, он действовал без промаха: один удар локтем, два выпада кулаком, три резких разворота корпуса — и вот уже Чуань-цзы оказался повержен, а факел перекочевал в руки Дуань Яня.

И хотя все четверо нападавших были дюжими мясниками и парнями не промах, им хватало лишь слепой свирепости, но не хватало боевой выучки, которой владел Дуань Янь. В схватке с ним они совершенно не могли тягаться.

Увидев, как ловко Дуань Янь разделался с первыми двумя, шедший чуть позади мужчина с факелом почуял неладное. Он не стал очертя голову бросаться на подмогу товарищам, а вместо этого вскинул руку к губам и пронзительно свистнул.

Сун Фэнсуй, таившийся в стороне, наблюдал за тем, как Дуань Янь в мгновение ока уложил двоих, и был немало поражен его боевыми навыками. Однако восхищение длилось лишь миг: заметив, что тот прижал к земле противника, но не стал тушить факел, способный их выдать, а перехватил его поудобнее, юноша сразу разгадал его замысел.

Он торопливо выудил из своего узелка плоскую флягу с вином, подхватил с земли охапку сухих веток и легко воспламеняющейся хвой колючего кустарника, скомкал все это в единый ком, щедро плеснул сверху вина и отбросил в сторону, давая Дуань Яню знак.

Дуань Янь мгновенно сориентировался и швырнул удерживаемый факел прямо туда. Едва языки пламени коснулись вина, как огонь с гулким звуком взметнулся вверх, и, подпитываемый хмельной влагой, миг охватил сухой хворост и хвою.

— Плохо дело! Скорее, тушите огонь! Если разгорится, нам всем сегодня несдобровать!

Четверо мужчин, что еще мгновение назад собирались окружить и схватить Дуань Яня с Сун Фэнсуем, при виде вспыхнувшего пламени растеряли всю свою спесь. Напрочь забыв о беглецах, они с воплями бросились и поползли к костру, пытаясь сбить огонь.

Дуань Янь воспользовался этой неразберихой, схватил Сун Фэнсуя за руку, и они бросились бежать, после нескольких резких поворотов скрывшись в лесной чаще.

Шум позади становился все громче. Не успели беглецы отбежать на приличное расстояние, как к месту происшествия уже подоспели казенные стражники. В суматохе слышались крики людей, тушивших пламя, отборная ругань и растерянные возгласы о том, что неизвестно, в какую сторону подались нарушители.

Дуань Яню было не до того, чтобы останавливаться и прислушиваться к чужим проклятиям. Убедившись, что огонь удалось взять под контроль и лесного пожара не случится, он перестал оглядываться и продолжал тянуть Сун Фэнсуя за собой в самую глушь. Он остановился лишь тогда, когда удерживаемая им рука юноши резко дернулась вниз, увлекая за собой тело.

Обернувшись, он увидел, что Сун Фэнсуй упал на землю.

Сун Фэнсуй изо всех сил старался не отставать и бежать вровень с Дуань Янем. Он прекрасно понимал, чем грозит поимка, а потому не позволял себе сбавить ход ни на миг, выжимая из себя все соки.

Однако Дуань Янь двигался слишком быстро и размашисто. К тому же рука, за которую кузнец его держал, оказалась именно той, на которой красовался порез от ножа. Опасаясь потерять юношу в темноте, Дуань Янь сжимал пальцы с огромной силой. Рана Сун Фэнсуя нестерпимо болела, но он терпел и не издавал ни звука.

Когда силы юноши иссякли окончательно, от слабости во всем теле он перестал замечать, что под ногами. Зацепившись то ли за переплетенные травы, то ли за камень, он потерял равновесие и рухнул навзничь.

Дуань Янь поспешно наклонился и бережно приподнял его:

— Как ты? Сильно ушибся?

Сун Фэнсуй, стиснув зубы, попытался подняться, но стоило ему шевельнуть левой ногой, как лодыжку пронзила острая боль. Он судорожно вдохнул сквозь зубы:

— Похоже, я подвернул ногу.

Дуань Янь присел и осторожно коснулся лодыжки юноши, отчего тот тихонько застонал. Он тут же отдернул руку и вдруг заметил на штанине Сун Фэнсуя темные следы. Сердце его сжалось:

— Кровь?! Ты поранился?!

Сун Фэнсуй остановил его:

— Должно быть, это кровь с твоих рук осталась на ткани, нога не задевала ничего острого.

— Но как на моих руках могла... — он осекся, запоздало осознав, что все это время сжимал именно раненую руку Сун Фэнсуя.

— Ничего страшного, не так уж и болит, — глухо отозвался Сун Фэнсуй. — Нам нужно уйти подальше, не ровен час — пустятся в погоню.

— Мы уже отбежали на приличное расстояние. В этих диких лесах, да еще и глухой ночью, если сразу не поймали, то отыскать человека в темноте — дело почти невозможное. Пока они тушили огонь, даже не успели заметить, в какую сторону мы подались.

Говоря об этом, Дуань Янь не удержался от похвалы:

— А ты невероятно сообразителен. Я ведь и слова сказать не успел, а ты уже догадался плеснуть вина, чтобы устроить поджог и сбежать.

Сун Фэнсуй не считал это какой-то особой заслугой, его заботило другое:

— Лишь бы только пожар не разгорелся по-настоящему.

— Не переживай, огонь был пустяковый, да и тушить его бросилось столько народу, так что не разгорится. Это ведь не в глухую полночь, когда все спят, и пламя замечают, только когда оно охватит пол-леса.

Сейчас Дуань Яня куда больше беспокоил сам Сун Фэнсуй. Глядя на сидящего на земле юношу, который то тут, то там был изранен, он просто не знал, как к нему подступить, чтобы не причинить новой боли.

Сун Фэнсуй с досадой в голосе произнес:

— У меня почти не болит, не нужно так тревожиться.

Однако на душе у него было беспокойно: «Как же теперь быть? На обходных тропах тоже караулят люди, сможем ли мы вообще отыскать лазейку и пробраться в деревню? А как же лихорадка дедушки...»

Не успел Сун Фэнсуй договорить, как лицо Дуань Яня изменилось. Он внезапно сорвался с места и словно вихрь ринулся в растущие неподалеку густые кусты.

В то же мгновение оттуда с шумом выскочила незнакомая фигура. Человек попытался было согнуться и припустить наутек, но Дуань Янь одним мощным движением перехватил его и намертво прижал спиной к стволу старого дерева.

Сердце Сун Фэнсуя екнуло: кто бы мог подумать, что и здесь прятался чужак. Он собрался было, преодолевая боль, подтащить травмированную ногу ближе к Дуань Яню, но не успел подняться, как услышал его возглас:

— Это ты? Второй сын тётушки Ли?

— Я, брат Дуань, — Ли Эрлан, зажатый хваткой Дуань Яня, едва мог пошевелиться. Он тяжело дышал: — У меня нет дурных намерений, я не нарочно подслушивал ваш разговор. Я ведь и сам пробираюсь в деревню.

Услышав это, Дуань Янь медленно разжал пальцы.

Как оказалось, Ли Эрлан тоже пробирался к окраинам деревни. Он, как обычно, собирался передать деревенским кое-какие вещи из города, чтобы заработать пару монет за риск. С тех пор как деревню оцепили, простые люди лишились всякой связи с внешним миром: те, кто остался снаружи, изнывали от тревоги за родных, а те, кто внутри — терзались заботами о близких. Вот Ли Эрлан и приноровился: днем работал в городе, а по ночам доставлял вести и мелкие пожитки туда и обратно.

Сегодня, едва подойдя к границе оцепления, он услышал звуки драки. Не смея издать ни звука, парень поспешил укрыться поблизости от тропы, которой обычно ходил. Кто же знал, что Дуань Янь и Сун Фэнсуй по воле случая побегут именно в эту сторону.

Дуань Янь спросил:

— Как ты прежде проникал в деревню? Знаешь другие обходные пути?

— Я всю жизнь занимаюсь тяжелым трудом, часто хожу в горы и леса рубить деревья да таскать грузы, оттого и выучил немало потаенных троп, о которых обычные люди не знают.

Ли Эрлан в душе был безмерно благодарен Дуань Яню и Сун Фэнсую за то, что те пришли к ним в дом и помогли вылечить ребенка. Проведав, что они тоже ищут путь в деревню, он не стал ничего утаивать:

— Если дать крюк через эти горы, там есть тропинка, ведущая к задворкам деревни. Проскользнем через заброшенный погреб — и оставим стражу позади, благополучно зайдем в селение.

Сердце Сун Фэнсуя радостно екнуло:

— Брат Ли, не согласишься ли ты проводить нас?

— Лекарь Сун проявил великую доброту, вылечив нашего Бао-эра, так что я со всей душой готов проводить вас двоих. Вот только, лекарь Сун, как же ты... — договорив, Ли Эрлан опустил взгляд на ногу юноши.

Дуань Янь тоже подал голос:

— Мы и впрямь попробуем пробраться туда прямо сейчас?

Сун Фэнсуй вскинул глаза на Дуань Яня:

— Охрана стала куда строже, а после устроенного нами переполоха дозоры наверняка усилят еще сильнее. Боюсь, если мы станем медлить, другого случая пробраться в деревню может и не представиться.

Он прекрасно понимал, что сейчас стал для спутников тяжелой обузой, но иного выхода не видел. В его голосе зазвучали почти просительные нотки:

— Дуань Янь, если мне удастся благополучно добраться туда, я вовек не забуду твоей сегодняшней помощи. И когда придет время...

— Хватит тебе. Раз уж ты твердо решил попытаться еще раз, значит, так тому и быть.

Дуань Янь не на шутку испугался, что если юноша продолжит в том же духе, то дело дойдет до обещаний расплатиться жизнью или выйти за него замуж. Ему вовсе не требовались ни слова благодарности, ни память о его благодеяниях. Он спросил об этом лишь потому, что искренне тревожился за его израненное тело.

Он присел на корточки:

— Твоей ноге сейчас нельзя делать ни шагу, иначе травма станет только хуже. Я... мне лучше поддержать тебя под руку или понести на спине?

Услышав этот вопрос, Сун Фэнсуй невольно и чуть смущенно захлопал ресницами. С чего бы... с чего бы этому мужчине непременно спрашивать его мнения в такой малости...

Ли Эрлан наблюдал за разговором этих двоих, и ему показалось, что атмосфера между ними с каждым словом становится какой-то странной. Парень оказался весьма сметливым и, слегка кашлянув, произнес:

— Я пойду чуть вперед, разведу обстановку.

Стоило Ли Эрлану удалиться вперед по тропе, как Сун Фэнсуй, заговорив тише и слабее, чем когда-либо прежде, вымолвил:

— Тогда... тогда будь добр, понеси меня немного.

Если идти под руку, им пришлось бы прижиматься друг к другу и обниматься на ходу, что выглядело бы еще более неловко и предосудительно.

Получив дозволение, Дуань Янь опустил пониже и подставил широкую спину. В следующее мгновение пара рук сперва легла ему на плечи, а затем чуть прохладное тело мягко прильнуло к его спине.

Нести Сун Фэнсуя, надо сказать, не стоило мужчине ровным счетом никаких усилий. На вид юноша казался худощавым, так что даже косточки проступали, но на деле его тело оказалось удивительно мягким.

Прежде, когда тот упал в обморок в бадье для купания, Дуань Янь уже держал его на руках, но в тот раз он думал лишь о спасении жизни и не позволял себе никаких других мыслей, чтобы прислушиваться к собственным ощущениям от прикосновения к гэру, который в книге описывался чуть ли не как суккуб.

Разумеется, и сейчас у него не было никаких грязных помыслов — о том свидетельствовали его руки, которые он плотно прижал к собственному поясу, ни единым пальцем не касаясь длинных ног Сун Фэнсуя.

Просто расстояние между ними было слишком близким, да и соприкоснуться им предстояло еще очень долго, оттого Дуань Янь и не мог не заметить этой мягкости.

Сун Фэнсуй перед выходом принял травяную ванну, отчего его собственный, едва уловимый прохладный аромат на время скрылся, уступив место запаху целебных трав. Однако, поскольку его тело само по себе источало благоухание, при слиянии с травяным настоем вблизи рождался другой, необъяснимо дивный аромат. Словом, он пах куда приятнее, нежели обычное средство от насекомых.

Рядом с таким гэрмом действительно было трудно не потерять голову.

Сун Фэнсуй разве что в раннем детстве позволял кому-то вот так носить себя. Оказавшись на спине Дуань Яня, он поначалу весь так и натянулся, словно струна. Но заметив, что мужчина ведет себя крайне сдержанно и намеренно избегает лишних прикосновений, не распуская рук и не касаясь мест, которых касаться не следовало, юноша постепенно успокоился. В конце концов, он растратил все силы во время бега, к тому же поранил руку и подвернул лодыжку — изнуренное тело ныло от боли, и долго держаться в напряжении он просто не мог. Окончательно отбросив настороженность, он расслабился и мягко прильнул к Дуань Яню.

Дуань Янь почувствовал, как мягкая ноша за его спиной внезапно стала еще податливее. Испугавшись, не лишился ли юноша чувств, он слегка повернул голову. В этот момент Сун Фэнсуй, прислонившийся к плечу Дуань Яня, тоже украдкой поглядывал на его четкий профиль.

Их взгляды неожиданно пересеклись. От этого мимолетного касания глаз сердца у обоих забились куда сильнее обычного. Будто пойманные на месте преступления, они тут же с напускным спокойствием отвернулись в разные стороны, больше не смея смотреть друг другу в глаза.

Ли Эрлан нес их узелки с вещами и уверенно прокладывал путь впереди. Время от времени, опасаясь, что Дуань Яню с ношей на спине за ним не поспеть, он через каждые несколько шагов оборачивался проверить, как они. Взгляд его невольно падал на безмолвную пару: с одной стороны, они выглядели так доверительно и близко, а с другой — между ними сквозила странная отстраненность. Это казалось парню довольно диковинным. Впрочем, расспрашивать о чужих делах он не смел и лишь молча вел их за собой.

В лесной чаще комаров и мошкар оказалось куда больше, чем на открытом месте; огромные лесные комары роились целыми тучами, и их сплошной гул в ушах едва ли уступал дневному стрекоту цикад. Прошло совсем немного времени, и Ли Эрлан, у которого штанины и рукава были наглухо завязаны, а открытым оставалось только лицо, весь покрылся волдырями величиной с палец. Ядовитые лесные комары кусались больно, и их укусы не просто чесались, а жгли кожу. И хотя это не было смертельно, но любого могло лишить остатков терпения и довести до иступления.

Сун Фэнсуй и Дуань Янь перед выходом омылись в отваре, и снадобье подействовало на славу — с самой опушки и до глубины леса ни одна мошка их не побеспокоила. Заметив, как Ли Эрлан то и дело чешет то лицо, то плечи, Сун Фэнсуй подумал было дать ему один из своих мешочков со сборами от насекомых. Он уже потянулся рукой к висевшему на поясе мешочку,

но вовремя помедлил. Хоть намерение его и было благим, но для гэра дарить мешочек с благовониями молодому мужчине считалось делом предосудительным и неуместным.

Тогда он слегка похлопал Дуань Яня по плечу, снял тот травяной мешочек, что приготовил для него самого, и велел передать его Ли Эрлану.

Тот поначалу сомневался, что крошечный узелок с травами сможет защитить от такого полчища комаров, но все же принял дар. Привязывать к поясу не стал, а просто зажал в кулаке. И о чудо! Стоило им пройти еще немного, как неотвязный зуд и гул у самых ушей и впрямь поредел!

Избавившись от этой напасти, Ли Эрлан повел их куда быстрее. Из двух мужчин один превосходно знал местность, а второй отличался недюжинной силой и ловкостью, так что они в мгновение ока миновали лесные заросли.

Приблизившись к деревне Лю, они отыскали тот самый заброшенный погреб, о котором говорил Ли Эрлан, и действительно без шума и пыли, обойдя дозоры, проникли внутрь.

Луна стояла высоко в небе. Налетевший ночной ветер заставил шумно всколыхнуться заросли лисохвоста, и этот сухой шелест разнесся по округе. В самой деревне лишь кое-где тускло мерцали огоньки масляных ламп, а из приземистых серых мазанок то и дело доносился прерывистый, глухой кашель. Здешняя тишина, скованная ужасом перед лихорадкой, превращала деревню в место, застывшее на пороге смерти. Атмосфера была невероятно гнетущей.

— Стражники внутри деревни не заходят, так что теперь, когда мы пробрались, можно не опасаться. Брат Дуань, мне нужно идти в южную часть селения, так что дальше нам не по пути, — пройдя с ними немного и выбравшись на главную деревенскую улочку, Ли Эрлан предложил разделиться. — Дорога отсюда прямая, та самая, по которой пришли, назад возвращаться так же. Запомните этот путь — и ладно.

— Большое тебе спасибо за сегодняшний день. Ступай спокойно по своим делам, дальше мы дорогу найдем, — поблагодарил его Дуань Янь, после чего предостерегающе добавил: — Только ты, раз уж то и дело ходишь туда-сюда через оцепление, будь осторожнее и берегись, как бы самому не подхватить лихорадку. Против этой хвори лекари еще не нашли верного средства. Заразишься — не только своей жизнью рискнешь, но и всю большую семью под удар подставишь.

— Я все понимаю. Когда прихожу в деревню, ни с кем лицом к лицу не вижу. Оставляю вещи в условленном месте, а они потом забирают.

Видя, что парень соблюдает осторожность, Дуань Янь немного успокоился. Они обменялись еще парой напутствий и, не задерживаясь, распрощались.

Когда фигура Ли Эрлана растаяла в ночной темени, Сун Фэнсуй негромко заметил:

— Этот Ли Эрлан живет под одной крышей с тем типом по фамилии Цяо, а ведь до чего разные у братьев характеры.

Дуань Янь согласно уткнул и спросил:

— Тебя несколько дней дома не было, дорогу-то обратную помнишь?

— Не такой уж я и глупый, — с легкой обидой отозвался Сун Фэнсуй и указал Дуань Яню, где теперь живет его семья.

Большинство деревенских дворов стояли поближе к реке, но людям с такой судьбой, как у Сун Фэнсуя — сосланным преступникам — рассчитывать на хорошее место посреди обжитых переулков не приходилось. По распоряжению старосты их семейство определили в ветхую мазанку у самого подножия горы. Это полуразрушенное строение с четырьмя комнатками когда-то служило деревенским амбаром для хранения зерна.

Позже, из-за удаленности места, туда повадились заглядывать воришки, да и близость к дикому лесу давала о себе знать — из чащи порой выходили хищники. Поэтому в один из урожайных годов староста собрал с крестьян средства и выстроил новый амбар поближе к людям, а этот старый сарай так и остался брошенным у подножия горы.

Селяне порой привязывали там скотину, но со временем солома с крыши почти вся осыпалась, а задняя пристройка и вовсе рухнула. После этого крестьяне не то что скот туда водить — даже в сильный ливень не рисковали заходить под эти дырявые своды.

Шли годы, и двор перед бывшим амбаром зарос острой, режущей травой, которая вымахала выше человеческого роста. По ночам с гор дул сильный ветер; он с воем и свистом врвался в продуваемое насквозь строение, отчего местная детвора, пробегая мимо, в ужасе кричала, будто внутри водятся призраки. Суеверные слухи быстро разнеслись среди жителей, и робкие селяне стали обходить это место за версту.

Так продолжалось до тех пор, пока в деревню не пригнали ссыльное семейство Сун. Староста долго ломал голову, куда их приткнуть, а потом просто махнул рукой в сторону горы и велел всем пятерым членам семьи заселяться туда.

К настоящему времени члены семьи Сун прожили в деревне Лю уже без малого два месяца. Они понемногу обустроили жилище: выкосили бурьян во дворе, подлатали крышу и укрепили обвалившиеся стены. Когда в очаге зажгли огонь и из трубы повалил дымок, это заброшенное место наконец обрело подобие человеческого жилья.

И все же этот уголок оставался диким и разоренным. Когда Дуань Янь, неся на спине Сун Фэнсуя, приблизился к дому, перед его глазами предстала одинокая хибарка, прижавшаяся к подножию горы на фоне чернеющего, бездонного леса. Она казалась настолько зыбкой и шаткой, словно гора, овеваемая шквалистыми ветрами, могла в любой миг проглотить ее без остатка.

Дуань Янь и прежде знал, что ссыльным преступникам не приходится ждать хороших условий, но увидеть воочию жилище Сун Фэнсуя было для него потрясением. Юноша, который в прошлом привык жить в высоких палатах и наслаждаться изящным уединением, в один миг оказался перед лицом нищеты и голода. Будь на его месте кто-то со слабым духом, давно бы наложил на себя руки, бросившись в реку. Однако Сун Фэнсуй, которого он узнал, оставался стойким и добрым, и за все эти дни на его лице ни разу не промелькнуло и тени уныния. Обладать такой твердостью духа — редкое качество.

Видя, что родной дом уже близко, Сун Фэнсуй невольно обрадовался, хотя и понимал, что в такой поздний час его домашние, скорее всего, уже легли спать. Он решил, что у самого забора попросит Дуань Яня спустить его на землю и только потом постучит в ворота — не хотелось, чтобы родные увидели, как его несет на спине чужой мужчина, и начали тревожиться или строить ложные догадки.

Но стоило им свернуть на узкую тропинку, огибавшую стену старого амбара, как со стороны двора до них донеслись тихие, глухие рыдания.

— Ночь на дворе, чего ради ты сидишь тут и кормишь комаров вместо того, чтобы идти спать?

Мужчина, сидевший на пороге под навесом крыши, услышал голос, утер лицо ладонью и поднял голову:

— Старший брат?

Сун Ушэнь посмотрел на своего второго младшего брата, чье лицо было залито слезами, и тихо вздохнул:

— В каких ты уже годах, а чуть что — сразу в слезы. На кого ты похож?

Сун Сюэму с горечью в голосе ответил:

— Мое сердце переполнено горечью... Отец лежит на постели без памяти, сегодня полдня не приходил в себя, и бог весть, сколько ему еще осталось. Если отца не станет, как мне жить дальше?

— От Суй-суя уже несколько дней нет вестей. Хоть он и передал с письмом, что в безопасности, но он ведь гэр, какая уж там безопасность в одиночку! У меня сердце не на месте.

— За что нам все это? Жизнь нашей семьи пошла прахом еще полгода назад, и даже теперь, когда нас сослали в эту глушь, я все хожу как в тумане, словно это дурной сон.

Сун Сюэму, всхлипывая, продолжал:

— Невестка испереживалась из-за Суй-суя, сама слегла и подняться с постели не может. Не знаю, может, завтра снова пойти в поместье, вдруг удастся разузнать хоть что-то о нашем Суй-сue?

— Он ведь с малых лет рос красивым, в столице из дома без трех-четырех слуг никогда не выходил, чтобы спокойнее было. А теперь сгинул невесть где в этих диких краях, я до смерти боюсь, как бы его не сцапали какие разбойники.

— Лишь бы этот ребенок не совершил глупость и не отдал себя кому-то ради спасения семьи... — договорив, Сун Сюэму снова разрыдался.

Сун Ушэнь, который до этого держался сдержанно и сурово, после слов брата помрачнел еще сильнее.

— Ладно, если ты говоришь такое мне, но ни в коем случае не смей поминать об этом при отце или невестке!

— И не вздумай снова идти устраивать шум в поместье. Сейчас деревня наглухо заперта из-за эпидемии, оттуда никого не выпускают и внутрь не впускают, так что и у них едва ли есть вести о Суй-сue. Если ты опять пойдешь туда и тебя снова побьют, в доме появится еще один лежащий больной. Ты что, решил меня доконать?

Сун Сюэму, услышав, что старший брат вместо утешения говорит с ним столь суровым тоном, запоздало понял, что сболтнул лишнего. Он ведь просто сходил с ума от страха за отца и Суй-суя, но и у старшего брата на душе было ничуть не спокойнее.

Он тут же оборвал свои рыдания:

— Брат, я просто сморозил глупость от расстройства, ты не сердчай. Суй-суй у нас с детства смышленный. Раз уж он сумел передать весточку, что с ним все хорошо, да еще и прислал риса с зерном, значит, точно цел и невредим.

— Я больше не пойду в поместье, не сердись только.

Сун Ушэнь стоял с мрачным лицом, и на сердце у него было горько. Он понимал, что младший брат наговорил этого от отчаяния; слова его хоть и ранили слух, но, увы, были самой неприглядной правдой. Раз уж семья Сун скатилась до такого ничтожного положения, кому сейчас могло быть легко.

Он уже собирался сказать Сун Сюэму пару слов в утешение, как вдруг снаружи, за забором, раздался отчетливый шорох травы.

Лицо Сун Ушэня мгновенно изменилось. Он насторожился и тут же перехватил поудобнее стоявшую у стены старую, ржавую мотыгу:

— Кто там?!

—

<http://bllate.org/book/17884/1728808>